

И. А. Гагин

**О ЗНАЧЕНИИ И СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «БРАК»
В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ XI–XII вв.**

Проблема брачных союзов русских князей с кочевой аристократией и та роль, которую эти союзы играли для мирного сосуществования и становления мало-мальски взаимовыгодных отношений Руси со Степью, имеет весьма важное значение для понимания процессов, проходивших в международной политике Восточной Европы в XI–XII вв. **Сказанное в полной мере касается такого важного экономического и политического партнера Руси, как Волго-Камская Булгария, которой также пришлось в силу своего географического положения иметь наитеснейшие отношения с половецкой ордой.**

В российской историографии тема брачных союзов русской элиты с элитой восточных соседей освещена недостаточно полно. Впервые вопрос о значимости брачных союзов как неотъемлемой составляющей норм обычного права раннесредневековых народов был поставлен историком Д. И. Прозоровским. Он доказывал, что одна из норм закрепляла обязанность князя при заключении договора вступать в родственные отношения с новоиспеченными союзниками¹. Таким образом, многочисленность жен Владимира до принятия им христианства вовсе не следствие его развращенности, как это пытались показать летописцы. Язычник Владимир брал жен после заключения межгосударственных договоров, и это являлось его приоритетной обязанностью. Вспомним, что подобным правом обладал хазарский каган, который был обязан жениться на дочерях предводителей подвластных ему племен. Правда, здесь проблема рассматривается

в другой плоскости. Это не союз, а показатель подчинения². Однако, как мы знаем из летописей, Владимир имел также множество наложниц³. По всей видимости, они и являются как раз дочерьми вождей подчинившихся киевскому князю племен, что укладывается в правовые нормы эпохи.

Среди историков XIX столетия рассматриваемой проблемы, правда, весьма поверхностно, коснулся П. В. Голубовский. В данном контексте следует выделить одно его довольно интересное замечание, касающееся проблемы контактов половцев и волжских булгар. П. В. Голубовский предположил, что немалую роль в исламизации половецкой степи сыграла именно Волжская Булгария⁴. А если учесть общую закономерность возникновения ротнических связей, брачные союзы были характерны и для половецко-булгарских, а не только русско-половецких отношений. О ротничестве как системе сложения договорных отношений в указанный исторический период довольно подробно писал В. Т. Пашуто⁵.

Из современных исследователей серьезное внимание проблеме уделил казахский поэт и историк О. Сулейманов. Он попытался доказать, что само слово «брак», в значении «супружество», имеет половецкое происхождение. Историк сетует на то, что, исследуя отношения между Русью и половецкой Степью, исследователи больше выделяют конфронтационные моменты, при этом непростительно мало внимания уделяют мирным, исказив тем самым объективную картину русско-половецкой истории⁶. Автор данной статьи коснулся рассматриваемой проблемы на страницах монографии о дипломатии волжских булгар⁷, а также в статье, посвященной нормам обычного права при заключении международных политических соглашений в раннем средневековье⁸. Но они, само собой, не закрыли вопрос.

Попытаемся разобраться, откуда все-таки пришло в русский язык слово «брак». Если мы обратимся к словарям и попытаемся понять, что в них подразумевается под таким коротким, но емким понятием, то прочитаем следующее: «брак — семейный союз мужчины и женщины, порождающий их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям». Согласно Брокгаузу и Эфрону, «брак — термин... обозначающий продолжительный союз лиц разных полов с целью осуществления физических и нравственных требований человеческой

природы, служащий основной формой всех прочих семейных союзов, являющихся его последствием»⁹.

В то же время следует помнить, что понятие это имеет и другое значение. В переводе с немецкого языка, «брак» — товар, оказавшийся негодным или порченным. Одно слово, но какой разный смысл в него вкладывается. Думается, что в значении «семейного союза» оно не могло попасть в русский язык с Запада. Но в современной русской, в основном ориентированной на Запад культуре, оно приобрело какое-то довольно разрушающее значение, что и отразилось в поговорках, типа: «хорошее дело браком не назвали бы» и т. д. Здесь четко проявляется отношение к понятию, причем отрицательное. Поэтому остро встает вопрос о его происхождении в том значении, которое для нас является естественным и привычным, хотя и вызывает в народной среде некий скепсис из-за напластования смыслов.

О происхождении понятия энциклопедии практически ничего не сообщают. Согласно «Википедии», брак, предположительно, берет начало от слова «брат»¹⁰. В этом есть определенный смысл, так как практически во всех культурах девушка именно забиралась в семью мужа путем сговора, выкупа, умыкания или какими-либо другими способами, в зависимости от традиций и обычаев. Поэтому можно сказать, что точка зрения, согласно которой смыслом брака является переход невесты в забравшую ее семью, вполне аргументирована.

Однако у понятия «брак» более глубокий смысл, в древнерусской культуре выходящий за рамки народной среды и связанный, в большей степени, с миром властвующей элиты. По мнению ученых, занимающихся проблемой взаимодействия Руси с Востоком, очень многие термины семейного права в русский язык вошли благодаря тюркскому влиянию, среди них и такие, которые сегодня воспринимаются как исконно русские, в том числе и «брак».

Понятие «брак», обозначающее вступление в супружество, происходит от кипчакского «birak» — союз (буквально, «соединение», «сочетание» от числительного «bir» — один)¹¹. О. Сулейманов убежден, что раз термин не стал народным, то это как раз и свидетельствует в пользу версии о его применении среди элиты¹². На Руси только княжеские супружества считались браком, ибо лишь они выражали идею объединения, политического союза, причем с представительницами кыпчаков-половцев.

Постепенно, когда политические контакты со степью начали утрачивать первоначальное значение союза, смысл его изменяется. Все меньше князей ездит в степь за невестами, и таким образом забывается первое значение термина брак — «женитьба князя на дочери хана с целью установления тесных политических отношений»¹³. Уже любая свадьба (правда, пока еще в высшем боярском сословии) называется браком, и остается, в конце концов, упрощенный смысл — вступление в супружество, который очень сложно и неоднозначно приживался в народной среде.

Взаимодействие Руси с кипчакской степью было более активным и многоплановым. Однако, благодаря исследованиям, однобоко освещающим историю их взаимоотношений, сложилось представление о перманентной войне. Но следует иметь в виду факт, что в истории русско-половецких контактов было несколько периодов, показывающих эволюцию этих отношений.

Первый период — середина XI — начало XII в. — характеризовался активной наступательной политикой половцев. В это время они совершают многочисленные грабительские походы на русские земли, как правило, удачные. Победоносные походы Владимира Мономаха против половцев ознаменовали конец этого периода.

Во второй период — 20–60-е годы XII в. — завершается процесс освоения половцами южнорусских степей. Если в первый период им была присуща таборная система кочевания, при которой у кочевников отсутствуют постоянные вежи, то в первой половине XII в. половцы уже занимают определенные территории, на которых находятся их постоянные поселения, такие как Балин, Шарукань, Сугров. В это время они принимают активное участие в междоусобных войнах русских князей.

Во время третьего периода — вторая половина XII в. — происходит быстрое сближение русских и половцев. Кипчаки начинают играть постоянную активную роль в политике русских княжеств; русские и половцы предпринимают совместные грабительские набеги, союзнические походы. Путем заключения многочисленных браков устанавливаются родственные связи между русскими князьями и половецкими ханами. Враждебные столкновения, подобные походу Игоря Святославича Новгород-Северского в 1185 г., носят эпизодический характер.

С конца XII в. начинается последний, четвертый, период русско-половецких отношений, закончившийся с приходом татаро-монгольских полчищ. Его отличительной особенностью является почти полное отсутствие военных действий между русскими и половцами. В этот период половцы продолжают активно участвовать в княжеских конфликтах на Руси. Еще более частыми становятся брачные союзы между русскими и половецкими знатными родами¹⁴.

Практика взаимодействия с половецкими ханами показала русским князьям, что мирные договоры с кочевниками — средство краткосрочное и не дающее перспективы стабильных отношений. Единственными связями, святость которых для кыпчаков была неоспоримой, были родственные связи. Ханы, породнившиеся с русскими князьями, не только прекращали набеги на их территории, но и обороняли их от других половецких племен. Кроме этого, князья очень часто использовали новых родственников в спорах друг с другом, направляя половцев на территории соседей.

Чтобы не быть голословным, отметим лишь несколько примеров политических союзов с половецкими ханами, которые были освящены узами брака. Одним из первых русских князей, положивших начало подобной практике, был сын Ярослава Мудрого Всеволод Ярославич, второй женой которого, после смерти греческой принцессы Анны, стала половецкая княжна. Внук Ярослава Мудрого Святополк Изяславич женился на дочери могучего половецкого владетеля, чье имя прочно вошло в русский народный эпос, хана Тугоркана. Другой внук Ярослава Мудрого, Андрей Всеволодович, женился на внучке Тугоркана. Тестем Юрия Всеволодовича Долгорукого являлся половецкий хан Аепа, мать Андрея Боголюбского — половчанка и т. д.¹⁵ Примеров можно привести еще достаточно.

Половецкие ханы так же часто брали в жены княжеских и боярских дочерей. В летописях неоднократно упоминается хан Кончак, женатый на дочери киевского князя. Отпрыск половецкого хана и русской княжны, Юрий Кончакович, которого величают сыном двух народов, был православным и сыграл не последнюю роль в налаживании добрососедских отношений между половцами и русскими.

История отношений половцев и волжских булгар не менее показательна. В ней можно увидеть как трагические эпизоды, так, несомненно, и примеры политических контактов, которые для булгар

были более чем необходимы. Связано это с тем, что половцы, занимая территории по Нижней Волге, могли полностью перекрыть торговый путь, жизненно необходимый для экономики Волжской Булгарии. Этот путь, известный в истории под названием Великого Волжского пути, объединял торговые интересы народов Прикаспия и Северного Кавказа и народов не только Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, но и Северной Европы. Волжская Булгария, находясь как раз на середине торговой магистрали, получала огромные дивиденды, участвуя в этой транзитной торговле. Вовлечение в сферу влияния болгарской политики половецких союзников отвечало ее экономическим и политическим интересам. Половецкие захоронения, обнаруженные в непосредственной близости от южных границ Булгарии у Самарской Луки, их погребальный инвентарь может свидетельствовать о довольно тесных контактах между булгарами и половцами¹⁶. К сожалению, собственно болгарские письменные источники не сохранились, а данные так называемой «Булгарской летописи» («Джагфар Тарихы») не признаются большинством современных историков. Однако мы все же мы склонны полагать, что брачный союз как один из важнейших атрибутов при складывании союзов имел место в булгаро-половецких отношениях.

Вывод из всего вышеизложенного следует вполне определенный: практика брачных союзов имела ключевое значение во внешней политике Древней Руси при заключении политических соглашений не только с кочевниками-половцами, но и земледельцами-булгарами. Брак — это союз между представителями элит договаривающихся сторон. Имея тюркское происхождение, этот термин первоначально использовался для обозначения супружеских отношений в среде князей и ханов, со временем становясь все более распространенным, он постепенно принимает свое современное значение.

¹ *Прозоровский М. Н.* О родстве Святого Владимира по матери // Записки Императорской Академии Наук. 1864. Т. 5. Кн. 1. С. 22.

² См.: *Гаркави А. Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. Вып. 1. СПб., 1874. С. 31; *Ковалевский А. П.* Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 131.

³ Практически все летописные своды, раскрывая сущность князя Владимира до принятия им христианства, упоминают восемьсот наложниц, что, несомненно, можно считать гиперболой (См., например: Лаврентьевская летопись // ПСРЛ.

Т. I. М., 1997. Стб. 80; Ипатьевская летопись // Там же. Т. II. М., 1998. Стб. 67; Новгородская первая летопись // Там же. Т. III. М., 2000. Стб. 128–129; и др.).

⁴ Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История древнерусских степей в IX–XIII вв. Киев, 1884. С. 227.

⁵ См.: Пацуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 213 и след.

⁶ Сулейманов О. «Аз и Я». Книга благонамеренного чтения. Алма-Ата, 1975. С. 144 и след.

⁷ См.: Гагин И. А. Волжская Булгария: очерки истории средневековой дипломатии (X–первая треть XIII вв.). Рязань, 2004.

⁸ См.: Гагин И. А. Нормы обычного права при заключении международных политических договоров в период раннего средневековья // Вестник Академии права и управления. 2001. № 1. С. 51–55.

⁹ Энциклопедический словарь / Под ред. И. Е. Андреевского; изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 8. СПб., 1891. С. 559.

¹⁰ Википедия: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Брак>.

¹¹ См.: Сулейманов О. «Аз и Я». С. 146.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 149.

¹⁴ См.: Князький И. О. Русь и Степь. М., 1996. С. 55.

¹⁵ Ипатьевская летопись. Стб. 154, 216, 259, 417.

¹⁶ Древние культуры и этносы Самарского Поволжья / Под ред. М. А. Турецкого. Самара, 2007. С. 264.